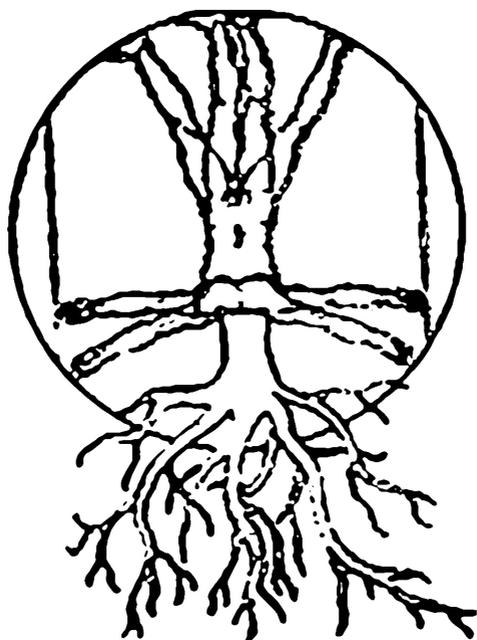

Андрей Першин

ДАЛЬНИЙ ПОРЯДОК

Ростов-на-Дону
2009

Андрей Пешин
pershin.andrew@gmail.com

Верстка
Першин А., Першина Ю.

С о д е р ж а н и е

« есть книги, чтобы врать, и книги, чтобы верить..».....	5
Летний дождь	6
Старый парк	7
Пчелиный ноль	8
Дальний порядок	9
« ах что-то мелкое..».....	10
Бочка	10
« волосы сыплются в руки страницы..».....	11
Вечный рассвет	12
болезнь	13
Вешний Дым	14
д р у з ь я м	
« как огурец тяжелый переросток..».....	15
« послушай брат..».....	16
« всё кончилось..».....	17
« а я не знал..».....	17
« это жар меня выгонит прочь..».....	18
« подглядела грусть из-за плеча..».....	18
« из года в год шершавится стена..».....	19
« я не слишком-то верю в дань..».....	19
Кнут	20
Корабль дураков	21
К печали	22
Летний сон	23
« мёртвые взимают свой оброк..».....	24
Комары	24
Май	25
Монумент	26
« мне сон за пазуху упал..».....	26
Мультиграмматон	27
на ощупь	28
Ноктюрн	29
Нибиру	29
обида	30
оригами	31
печать	32
покров	33
матрас	33
Полуночный разговор	34
Сложный привычки	35
(Мыльный) Пузырёк	36
свод	37
« у сублимации твоя рука слепых..».....	38
Черепаха	39
«утробный свет осени..».....	40
Зной	41
« из-под боли и удара..».....	42
« вода и красота её движений..».....	42

С о д е р ж а н и е

Улитка	43
« весь белый свет..».....	43
Асана	44
<Инфантильное>	45
в е р л и б р ы	
Зелёный песок	46
Жила	46
Холодный рассвет	47
п е р в ы е с т и х о т в о р е н и я	
Звук	48
« Прошлым вечером шуршащим..».....	48
Окончания	48
« Не желанный, не пышный наряд..».....	49
Ночь	49
Кипяток	49
Каштаны	50
Рыба	50
Город- костёр	50
Снег	51
Виды русской зимы	51
Закладки	52
« Сегодня сон плохой..».....	52
« Складку тайны на асфальте..».....	52
Хиромант	53
« Мы прежний мир не узнаём..».....	53
« По стране обочин тихо..».....	53
« Вот стучится о края..».....	54
« Вот пар, он свеж и ароматен..».....	54
« Густая дорика ума..».....	54
« Нет строчки первой в мире слов..».....	55
Почерк	55

есть книги чтобы врать
и книги
чтобы верить
я надуваю свет
в стальные
паруса
где странствует мечта
там глади не
измерить
как не измерить сон
взошедшего
зерна
землистую волну
всплывающие камни
под эту тень
других
в косматые
поля
я слышал
все умрут
как выпадают
капли
что кто-то не донёс
в руке
из родника
на утренний пушок
на трещину
для сока
где плавятся стволы
пуская кровь
в стакан
но вялая земля
обрящет в море
воду
чтоб капли эти
слить
обилием
плода

Летний дождь

а этот дождь
без свадебных порывов
без перьев
шелка
газа
и волос
без наготы
дышащей и ревливой
он только маркий
серый
перекос
как будто карту
чьё-то наклонили
на мягкий
и беспронгрышный край
в её щелях
как будто заварили
трезвящий
и волнующийся
чай

наш перекос
толкуются в нашей ступке
сплошь мелкие
седые
семена
в чернеющие
блёкнущие плюски
на пуговики
защита темнота

послушай же
мы так давно не ели
внахлест
друг друга
с жаром
через край
как дождь и грунт
что летом затвердели
вторгаясь в маленький
не слишком ясный
рай

Старый парк

такая тишина
я лиц не узнаю
такой прогоркший свет
и необъятный
я как в чужих
гробах
одной ногой стою
на этом городе
по-детски
неопрятном

и нас качает
та же высота
тупой порыв
знакомых упражнений
я тут расту
но не хочу
сюда
где пахнут птицами
названия
деревьев

рука как ветка
ветку отломлю
со всей
исполненной
нехваткой
преступлений
тропинкой слабнущей
пролившейся
в траву
сожму цветов твоих
виляющие шеи

пусть в этой трещине
ветвлении окна
тени
длиннотах
вспышках голубиных
твой эротический
и ждущий
свет лица
окрасится
побегами
мотивов

Пчелиный ноль

послушай чад
и этот смысл
пчелиный
не мёд
не улей
рано
поутру
лететь, роиться
спать наполовину
рожать рабов
и в патоке
тонуть
у этой мысли
вкус
простой но протяженный
убогих ящичков
тягучего куска
а сверху дождь
холодный, убежденный
из пчёл сухих
встающая трава

она шевелится
как пьяная дорога
толкает сок
навстречу пустякам
полжизни ждать
и сдаться
за полсрока
косе, зиме
соседям, сорнякам
всю эту боль
от горечи бесстыдной
мельчайших бед
сизифов
карнавал
тот самый ноль
на скатерти
в гостинной
где банки нет
и даже
нет похвал

вот в этот круг
ничейная отрада
вставляет спицы
мирового
колеса
они не ждут
чужим и липким

чадом
твоя несносная
становится
пыльца

Дальний порядок

на новый день
по этой
синеве
отброшена
прозрачная
граница
я знаю всех
теперь
в родной толпе
и мы кристалла
мелкая
крупница
она как я
окружена собой
растаскана
знакомыми
руками
распята на
решетке золотой
между отдельными
дрожщими
узлами
покуда мир
так холоден
со мной
покуда он
так правилен
и краток
я знаю есть
искра
в толпе чужой
как дальний есть
но временный
порядок

ах что-то мелкое
пристало где-то там
как будто бы совсем
не приставало
лицом я поворачиваюсь
к вам
в катушке ниток тоже
есть начало

её не рассказать
не раскрутив
не разметаю как метры
по квартире
которых не кончается
мотив
когда она
четыре на четыре

в катушке ниток
спрятана игла
ей можно шить
а можно штопать горе
ко мне пристало что-то
но с конца
как узелок
упрямый
на дороге

Бочка

я тебя непременно доем
не сейчас
не в пути
но до гроба
этих бурных твоих перемен
перезреет и сгинет
порода
в красном хмеле и толстой бадье
где ютился однажды философ
и нальюсь
и усну на тебе
как дрейфующий по морю
остов
а пока лишь
тащу за собой
эту бочку
пустую
как прежде

голый дождь, острый град
или зной
всюду рады
просторной одежде

* * *

волосы сыплются
в руки страницы
с бледной подушки
моей головы
не дорисованы
пенятся лица
тёмными искрами
разной
длины

кто-то объятья
открыл и оставил
ветер гуляет
с улыбкой пустой
только теперь
я наощупь узнаю
что значит быть
а не видеть
собой

розовым эхом
по тоненькой шторе
плыть и клубиться
с буграми спины
с бедной страницей
легко расплатиться
жиденькой тенью
от русой травы

Вечный рассвет

там где гнездилась
поэтическая лень
неправильный
и рвущий
крик вороны
швыряющий
отгрызки тополей
и вкус такой
что привкус
душит кроны
где ночь восходит
так необратимо
как льнущая
на палубу вода
тягучею
оттянутой резиной
солёная
и с проседью
пурга
остывший мех
и опустивший рёбра
спадающий в безвременье
до дна
тяжелый и
рассыпанный
и твёрдый
случайный свет
худого фонаря

теперь
из-под чадры
из покрывала
бледнеющую
призрачную
тень
рассвет выносят
пленным
Себастьяном
как будто кровь
расправилась
теперь

как будто есть
пора
сидеть в гнезде воронам
и светлый тучный шар
несёт
корзинки вверх
тот самый верх
знакомый
звёздным кронам
где вечно спят
не зная
про рассвет

болезнь

я наступал
в разбросанные руки
как первый раз
я снова угодил
на самый верх
надбровный
словно дуги
куда хотеть
моих
не хватит сил

здесь столько тем
для будущих созвездий
комет
и льда
и чёрной глубины
когда-то я
свои привычки эти
оставил
чтобы дальше отойти
чертой клубящейся
по матери
по школе
науке, людям
пыльной синеве
я погасил тогда
чужие звёзды - руки
чтоб видеть сны
и сам себя
во сне

растёт трава
хотя уже не свежей
и зной густой
всё плещется у дна
в моих шагах
сентябрьских
безбрежных
болезнь как детство-
спелость от себя

пусти же сок
отдай им кожуру
и красочность
своих предметов
я свой висок
как лепесток сорву
прозрачно жить
и разливаться
в небо

Вешний Дым

дым как стекло
как самый спелый танец
не режет
не горит
когда не ждёт
стекло как май
прозрачно-буйный глянец
всеполоый
внеположный
перелёт

дымить зачем?
когда меня докурят
во сне
горячем облаке
дыму
рвать закрываясь
выкрашенным блюдом
небесным воспалением
в мозгу

рвать вниз
последним фейерверком
через край
охватывая площадь для поверки
забрала смерть
хотя бы жизнь отдай-
непроницаемое
ощущенье смерти

прозрачен я
прозрачный воздух шаток
как тонкая химическая гать
прозрачен сам
раскиданный порядок
теперь и там
где не умеют
ждать

как огурец
тяжелый переросток
весь желтый в крапинку
с отвислым животом
я жил и рос
и я был верен росту
я вырос кажется
пока мы не вдвоём
я огурец
ты слышишь?
я всё тот же
и чудом проскочил
рассол
мне слишком много выпало
ты помнишь?
огня небесного
и мира
под огнём
и я хотел бы
поиграть словами
слова как семечки
чего их не кусать?
но сила вызрела
во мне теперь -
другая
могу тебя
..на шее
..покатать

послушай брат
ведь ты ещё не спишь?
брат слышишь
слышь
здесь ходики стоят
в них был завод
с утра
да видно вышел
и был таков
так люди говорят
мне снилось
я траву гребу руками
как рану, слышишь,
трогаю кишки
я в лес пошёл
как будто за грибами
и я ищу и не могу
найти
да не грибов
послушай же
ты, соня,
ты задолбал
тебе я говорю
я бумеранг посеял где-то
понял?
он не ударил
об руку
мою
ты слышишь брат?
ты дышишь?
кто-то дышит
я сам с собой
частенько завожу
сильней бросай!
я буду тут!
я вижу!
ловлю его!
ловлю..
ловлю..

всё кончилось .
капец .
отшелестело .
живот опал
захлопнулось окно
и в ванной
отсыревшей
чьё-то тело
да ну его ,
что было - то прошло

но я лежу
и шевелю глазами
год, кухня, комната
отчаянно пусты
и шевелю своими
волосами
от влажного
касания
теплоты

а я не знал,
что я могу руками
вот так
как лопастью
на небо
грохотать
а я не знал
что я живу словами
пока не стал
словами
умирать
несобренный бумажный
самолётик
приклеенный в коробочке
пилот
и стюардесса
улыбается в проходе . .
кому какой
достанется
проход .

это жар меня выгонит прочь
вглубь засохшего черного хлеба
выдаю свою русскую дочь
за чудовища дерзкую небыль

у неё молодая судьба
каких прежде тоска не видала
и у слов серебрятся края
тех что пахли так сладко сначала

кто ломоть этот станет стеречь
что надрезан так крепко с душою
растоплю свою русскую речь
и как сердце стучу головою

а зима это сумрачный жар
а у дочери сохнут ресницы
моя жизнь это сказочный дар
почему ей с другими - не спится?

подглядела грусть
из-за плеча
подглядела
пышно подглядела!
красного седлайте мне коня!,
красная листва осиротела!
этим ухарством
я празднично лечусь!
птица красная
на голову мне села
я несусь, как птица,
ох несусь,
чтоб она, могла,
да не взлетела!
воля
распростёртая за мной
я не лист
не друг
осиротельный
к синей птице
мы прильнём душой
красного
мифического
тела...

из года в год
 шершавится стена
 все больше книг
 мне кто-то
 не приносит
 со дня на день
 в материи окна
 расступится
 и разгорится осень

а я ищу здесь
 новый уголок
 без этой всей
 навязчивой идеи
 как лишний и засаленный
 шнурок
 за запертой
 болтающийся дверью

красиво вышивает
 моя мать
 у каждого узора
 есть начало
 она меня
 учила вышивать
 как только мой узор
 сама узнала

я не слишком-то верю в дань
 и особенно, - дань уважения
 отфильтрованный дебет в рай
 без ребра, без греха, без падения

или может ничей- песок
 до поры золотит свою голову
 высыпается горкой срок
 и в другую бежит сторону.

Кнут

разрезать кнут
лоснящийся и твёрдый
кружками
кольцами
в газетку
у ручья
жирует край
отбитый и голодный
отставленная дальше
колея

я так разбит
как зеленеет веник
как заливает лужа колею
но я бегу
как сок бежит растений
холодный
первозданный
на косу

с ним намерзает
вычурный
порядок
низводит пасторальную
красу
мне кнут разрезали
второго мне
не надо
тут веник срезали
и я теперь-
мету

Корабль дураков

я слышал ты
болтаешься как двери
уютный брак
и гавань
разменял
и рад подкошенный
сопеть
мимо постели
и киль свой заспанный
вонзаешь
в океан

ведь что-то кажется
в течение
в вышине
пейзажиков
разбросанной
колодой
и я подумал
ты
и ты сойдешь
ко мне
открытием
открыткой
или словом

как тот ковчег
в который все успели
как льдина пресная
багры плоты
мечта
на их руках
как на подводной
мели
расходится
кругами
пустота

К печали

ах это скользкая
печаль разлуки
конечно
раздевайся
проходи
твои холодные
неласковые руки
я крепко
растираю
о свои

накинь халат
а можешь
без халата
в предметах
обнаженных
постоять
твоих речей
туманная прохлада
так понимает
как разубеждать

а хочешь чашку
выговорит слитно
щербатое
и теплое
лицо?
прости не сладил
с носиком
отбитым
когда не знал
что мы с тобой
одно

Летний сон

мир-муравейник
 плещется на ветошь
 по пояс
 по колено
 или грудь
 на опустевший
 вызревший репейник
 стеклянным воздухом
 прирученный
 тонуть
 как муха квёлая
 от жажды
 или смерти
 на паутине
 плесневым клубком
 узлы дорог
 в лазоревом калёны
 до грязи чешутся
 не думая о том

реальность для
 сновидчества
 и веры
 в присутственную
 выдавилась тишь
 и жгучий
 раздувает
 запах бдений
 нетленный
 распустившийся карниз
 качая
 пучеглазые кувшинки
 что бьются жмурясь
 в толстый потолок
 а снизу ты
 не праздничный
 и липкий
 уже разбил
 свой красный
 уголок

ты напрягаешь
 выгнутый фарватер
 и то что кануло
 в предсонии
 бурлит
 как острый мрак
 затупленный
 когда-то
 сон режет мир
 на части
 чтобы жить

мёртвые взимают свой оброк
 все слова гребут одной рукою
 вялый заливаает узелок
 под ребром как блюдо заливное

или палкой выгнутый простор
 широта несозданного дома
 как бы не любили тесный сон
 прорастают в то, что незнакомо

я стою на памяти людей
 но не память говорит со мною
 лица ископаемых идей
 тянут что-то чёрно-золотое

я стою, а должен торговать
 треском, шорохом, болезнями, позором
 или замолчать и прорасти
 в темноту последнего разбора

Комары

вишнёвые кости во тьме
 и сжатые слабостью
 кости
 оставьте
 две капли себе
 по капле
 комарикам
 бросьте
 так смутно лежал Сталинград
 и вечное
 пламени
 сало
 покуда изогнутый чад
 как сахар
 у донца
 собрало
 как в муку
 мы верим
 в покой
 цвести в кипятке
 не умея
 напиток из жизни
 чужой
 на слизком
 возводится
 хмеле

Май

ты подо мной
качаешься упрямо
дородная
и выспренная
цвель
кому-то жить
под тёплым одеялом
кому-то спать
приходится
теперь

а я как жук
стеклянные закрылки
осколки, усики
щетина, голова
на тучный луг
привязаны былинки
сухой карниз
как с осени
трава

огромный май
изношенный
и свежий
меня качал
между безвольных строк
и надо мной
зелёное безбрежье
чтоб я достать
его рукой
не смог

Монумент

кипит распад
невдохновлённый
ползут по мрамору
щелчки
твой мир небытия
вперённый
завис
на выемке
руки
я повторю
умели строить
я вошь
в бетонной голове
как тот Руслан
на месте боя
всё время чешется
в ноздре
вдох этой жуткой
перспективы
небес безоблачная высь
хромой улитки
переливы
за грубым панцирем-
срослись

мне сон за пазуху упал
песчаной раной
остановкой
алел рассвет
и набухал
и прижимал меня
неловко
а позже войлочная явь
стуслилась рядом
в легком платье
и кто-то вздрагивал
виясь
и шел на дно
моей кровати
где сверху светит
завиток
обличия
чужих предметов
как неразменный
номерок
пока их сны
толпятся
где-то

один закон
на свечке мало места
несчастливая
задымленная
быль
и то, что вверх
упрямилось
и лезло-
то оплывает
раздаваясь
вширь

не Вавилон
а стенами торгуют
и кто-то дует
пламени
в висок
их пожелтевшие
подтопленные буи
до пьяной одури
раздавливая
в сок

он крутит ручку
станции невнятной
на сложной
модуляции
волны
вместо одной
молитвы
постоянной
он умножает
паводок
других

на ощупь

и пар и свет
приучены на ощупь
так безоглядно
в сосны прорастать
их маета
как дети на всенощной
как будто им
самим
не достоять

но тёмный клир
всегда
обходит мимо
рубин и дым
и свой
иконостас
нет ничего
что их бы торопило
все наши дети
будут
не про нас

и только тут
где холодно
и страшно
как блеск бродить
как брёвна прогорать
лицом к лицу
а значит уже дважды
хочу
хотеть
и жить
и узнавать

Ноктюрн

я к ночи распускаю
 водных духов
 заглоченных
 под грохот позвонков
 изжеванных
 рожденных
 вислоухих
 с краями скользкими
 и вовсе без краёв
 я тлею перекатами соринок
 я в звёзды упираюсь головой
 их слабнущие колики пружинок
 колышутся
 с чернеющей листвой
 я умный бог
 и сущностный порядок
 когда вся жизнь
 вся красочность ушла
 я тесно жил
 но не был тесно краток
 а ночь как кошка
 спрыгнула
 с окна

Нибиру (импровизация)

Нибиру шрам
 Нибиру пустельга
 стригущая
 приземистые
 кроны
 такую рябью
 дёрнулась вода
 и дым
 под стрехой
 режущий
 неровный
 на нервный
 и ревнивый
 и хромой
 прессующий
 неглаженные тени
 весь космос
 наш
 страх смерти
 мой
 с росой вчерашнею
 и звёздной
 ветвью

обида

привычно-колкую
навязчивую скатерть
не уложить
в заплочный узелок
что за досада
приторно большая
как зачерствевший
прошлогодний
стог
ведь я не ел
не спал
не говорил
отсутствовал
стоял
не видел
как эти горы-
я почти не жил
скажи же мне
ну кто
тебя обидел

я знаю есть
один такой предел
где остро хочется
любить до самой смерти
что я его
не сам преодолел
как марок
шесть
на дрябнущем конверте

покуда ждешь
не различая правды
вот в этих всех
кустах да муравьях
но я не я
и не вернуть обратно
имён что держатся
как ветер
на губах

Оригами

я землю трогаю
из ранки муравьи
рубцом чреватым
выпятились
дружно
тут варикоз плюща
преодолеет стволы
всё так старо
всё развлекать не нужно

и только я ничей
покуда ты
моя
такая светлая
и ровная местами
давно хочу
но не могу тебя
обнять
согнуть
зашить как оригами

на мелких грядках
с ровными
рядами
уже висит
ватага моих букв
из прошлой жизни
все как оригами
мои когда-то
листья
опадут

печать

печати искренности
мелкие печати
уже холодная
здесь трогает вода
не разжевать
тебе
чужих заклятий
но растворить
их краску
без следа
тяжелюю
свинцовой рукой
немая дверь
дрожит и подается
в осенний
ветряный
распахнутый покой
с разводами темнеющими
солнца
на очередь
к тебе
я сам встаю
по бесконечной
и морщинистой постели
где ты целуешь
всех по одному
в головки неприютные
селений
и гложет сон
одно большое дно
пусть до поры
взвихрённое тобою
набухнут книги
зачерствеет стог
и лист босой
распластанный
откроют

Покров

он бледно-колкий
 этот жест руки
 не след руки
 а лапы ёлки

он одуванчик
 вопреки
 своим иголкам

я так дышу.
 как он
 как время дышит-

легчайший
 пахнувший
 поклон
 под белой крышей

легчайший
 жест зимы
 легчайший ветер

срывают пух
 и снег
 на белом свете

матрас

через глаза
 кровавого атласа
 который год
 вздыхает ватный дым
 мне ближе нет
 старинного матраса
 когда уснуть
 попробую один

зарыть тепло
 засыпать, обернуться
 в подушки мяса
 в трещины кости
 моё нутро
 лишь прячется в матрасе-
 бетонный пол
 остывшей высоты

Полуночный разговор

Е. С.

один жест комнаты
взмах лампы
ноготок
в округлой плавности
невылепленной шеи
скорее разворачивай мешок
руби пространство
громкое
постели

его блестящие
от идолов
куски
блестящий сколами
твой сумрак
бестелесный
колени сжаты
словно языки
отпустят тёмный колокол
и треснут

там гулкий бой
на дальней стороне
как впуклые предметы
эти стуки
упал и брызгает
и бесится
наш блеск
руками выгребай
наш полуночный
уголь

Сложные привычки

я накопил
сложнейшие привычки
отрезал край
от чистого листа
им несть числа
как нет полей
и спички
но чувство есть
что было
до меня

кто накопил
что встану в понедельник
что разолью
и не сошью края
где нет случайности
там нет
предубеждений

я накопил
и тесно -
от меня

бывает мысль
просить быстрее спичек
не нарративное
условие
огня
бывает толк
от сложных букв привычек
я затанусь
и вспомню
про тебя

(Мыльный) Пузырёк

усилие крошечное
прямое
шевелится внутри
исподтишка
погасшим окриком
и тайною слезою
зенита почвы
мглистая звезда
бывает просквозит
опрятным мраком
как пальцем трогает
вдоль дырочки вода
весь этот хрип
зажатый тучным баком
и эта
бестолковая труба
где самый миг
участвует в измене
эстетике накопленной своей
взошла дыра
на том
неярком свете
и губы
размыкаются
полей
предчувствием нескромных ли
венозных
ветвистых предприимчивых
волос
зарытых в землю
вытеснивших воздух
на следующий
странственный погост

вот так и ты
то дуешься, то плачешь
пуская в течь
упругий океан
весь наш порыв
и нашу
всю удачу
тончайшей складки
мыльный карнавал
перед лицом
натруженным
и детским
над пропастью разинутых окон
то океан
то луг
за перелеском
то просто жизни
жаждущий
объём

в лавке старьёвщика
теньях закоулочных
дождик расхристанный
чудом подобранный
приторных капель
звеньев исполненных
мелкой брусчаткой
и накипью скованный

мне так легко
с этой патокой сонною
дальше брести
будто хмель
забродить
всю эту темь
с тиражами оконными
пить и не мочь
с нею чёрта
сварить

вспомню - кругом
и так жалил отчаянно
сумерки тонкие
блеск фонарей
нет, не легко
мне очнуться намаявшись
блюдом придавленным
Прагой
своей

у сублимации
твоя
рука слепых
столь хищная
к неправильным предметам
хоругвями в томлении воздетым
от приторных наростов
приливных
их немощь выстилает ветерок
изогнутый
по выкройке пещеры
где мечется вконец оторопелый
случайного озвучиванья
слог

и если б жизнь
была карандашом
где так не нужно
мазать исправляя
я б эту линию
когда-нибудь нашёл
живую безошибочно
до края

у сублимации
есть тело для души
у сублимации есть признаки иконы
которая растёт
глубокой, незнакомой
в провидческой
раздавленной тиши

Черепаша

я черепаха в космосе
живой метеорит
на ветер пухнувший
я лезу
из палатки
вот голова
с которой малахит
связал все трещины свои
и все повадки
зеленых судорог
течения холмов
очнулись и задвигались
разводы
я мель и стог
и собственный улов
когда выкидываю
руки
на свободу
а тут пора
и всюду её дышла
то шелестят
то бражничают
всласть
я как луна
что слишком поздно вышла
только затем
чтоб не добраться
вплывь

упрямый шар
совсем не говорит
и только губы
размыкает
будто соты
я слышал как-то
что он сам стоит
на черепахе
выброшенной
в воду

утробный свет осени
пятна и гаммы
изменчивой ясности
кип и жердей
как будто пенал
разломил и бросил
и ноги запутались
карандашей

сбиваются ищут
фонарики красные
фонарики желтые
дуру луну
она разрешилась
в ямину глубокую
жуёт и кусает
улыбку свою

влюблённый в созвездия
вечные, прочные
как будто их выдумал
грек Птолемей
не в силах понять
эту нежность барочную
со-цветий, со-образов
здесь, на Земле

она расплетается
в мелкие ящики
пустая без крышки
гудит колыбель
и потом холодным
жара обливается
пока попугаи
пируют на ней

Эной

наш материк
на бронзе
отчеканен
зелёной яри
полный
оборот
в гильоше трав
запутались
крестьяне
рассыпался
сквозной
переучёт

про эти шапочки
да венчики цветные
и колосись теперь
не колосись
под эти волосы
в извилины
сухие
хмельные соки
с гиком
понеслись

некошенная
вызвездила повесть
с такую
мелкой
всюду
головой
химера и
упитанная помесь
небесных сфер
и копоты ночной

как масло
хлебо-булочных окраин
шершавится
в упавший бутерброд
от этих дней
с багровым
острым краем
солярный жир
на дно
перетечёт

из-под боли и удара
выползает моя тень
ничего уже не надо
больше некого жалеть

что-то красное дымится
ты мотаешь головой
это кровь в стволах курится
над отверженной землёй

и чернеющие сваи
знай шагают широко
в занавешенный огнями
и ослепший горизонт

но я светлой не посмею
подвязаться стороны
в глубине и тьме растений
всё в закате, все равны

вода и красота её движений
для каждого мечтателя своя
дорога земноводных поколений
из одного распаренного сна

горячая притопленная лодка
со мною разжимаются круги
и медленная вянет перепонка
в тяжелой и разбавленной груди

вода как простота её движений
для тонущего каждого своя
уже не упираются колени
когда не удержалась голова

я сам иду на дно своей квартиры
там что-то светлое готовит потолок
в неласковом и сухопутном мире
касающемся только моих ног

Улитка

смотри
 кусочек рыхлой серы
 качает жёлтой головой
 и оставляет переливы
 тяжёлый панцирь
 за собой
 улитка
 в эти чудеса
 одной ногой спускает рожки
 смотри
 на мир
 в её глаза
 как разбегаются дорожки
 двух слов
 и серы
 и воды
 что как пожар
 границ не знала
 пока из влажной
 маеты
 на берег капля
 выползала

весь белый свет
 размякшей штукатурки
 стул
 комната
 долги
 два прошлых дня
 я не умею вспомнить
 эти сутки
 слои капусты
 где нашли меня

а было всё
 мотаю головою
 хочу и не могу
 смотреть
 меня
 там не было
 я стал
 его судьбою
 непросто дереву
 весь лес
 перестоять

Асана

как кошка ест траву
я двигаю руками
в окаменевших позах облаков
я к выходу стремлюсь
в лежачем тёплом храме
костей, сосудов
вымеренных доз

здесь просто так
просторно, пусто, ясно
и жизни сдавленный
начищен ритуал
не тяготит костей
их постоянство
а только неустойчивости дар

пленительны и жёстки
инструменты
ракушки, дудочки
и лака скорлупа
у настроения свои
апартаменты
спаяли членики
звучащего жука

не только образы
вся мысль окаменела
без запаха, без привкуса
ледник
качается в волнах
осиротелый
и шар алеющий
весь в длительность
поник

за чувством стынет ночь
и дымчатость окраин
в друг друге взвешена
живущая вода
и значит нет простых
таких негибких правил
одна асана
длительность одна

<Инфантильное>

не то чтоб жизнь
отчасти недолёт
а просто свет
свои
не тянет руки
и та что из
толкала нас вперёд
толкать к доске
оставила
подруге
а может смерть
совсем
ещё слаба
и удержаться
долго
не сумеет
ей столько дел
осталось
до утра
подбросить тут
к ногам
закрытой двери

внушать себя
кому
нелепый груз
с тех пор как сбылся
полдень
Христофора
я сам ташу
и больше
не вернусь
поднять одно
отбившееся
слово

Зеленый песок

Податливый песок
с судьбою упрямца
Тень под рукой
как след тишины
только знакомая тишина
может быть настолько нежной

Мы играем в анфилады и подкопы
в падение родовых замков
Тень синяя- а песок зеленый
Природа- как зеленый песчаный пляж

Что за прибой лижет его
и вытирает мой след?

Жила

я вырабатываю чувство
как рушат семя
высекают глыбы
набирают тяжелые ведра
с легкой руки
не грядущего забвения
а нужды

из крепкой жилы
теснившей породу в прошлом
капает золото
каждая искра
прожигает кожу
но щедро платит за боль

не грядущее забвение
между людьми
а нужда
но десять капель
уже убивают

Холодный Рассвет

Удивительна складчатая сложность
холодной постели
любое незаметное движение
встречает гранью льда
ведет в новые углы
смыкает альковы
бесконечная щедрость
пустого замка

я вспоминаю холодных людей
дома в которых всегда холодно
напоминающие людей

я утром в тепле и тесноте потери
не могу отыскать того
кто растаял в мутном холодном рассвете

Звук

Каждый звук в тумане сладком
От родного языка
Восковые лепит складки,
Пробуждаясь ото сна,

По бесцветным швам предметы
Отливая в тесноте
Первозданной, неодетой
На житейском корабле.

Каждый звук утонет в море
Мачтой, палубой, рулём.
Заменяют свечи вскоре
У спасительных икон.

Прошлым вечером шуршащим
Льда оттенками в реке,
Видел сон ненастоящий
В мягком длинном рукаве,

Я наутро собирался
И раскидывал сугроб,
Пух, которым укрывался,
И чего обнять не мог.

На изгвазданной дороге
Брызжет грязь за вороньём.
Тьма и снег совсем не спорят..
О наличии своём.

Окончания

Как блеск сосуллек обнажённый
И проломившийся сосуд,
В тенях, изрубленных покорно,
Резвится маленький уют.

Ведёт, шагреневую кожу
Неровно стягивает с плеч,
И кто-то, на меня похожий,
В квадратную садится печь.

Прощай мой подвиг бездыханный-
В одном стакане вечереть,
С сугробов приторных и рваных
Цедить оставшуюся медь.

Не желанный, не пышный наряд,
В тишине рассыпаются ели,
Вы теперь столько раз похудели,
Сколько игол растратив подряд!

Там уколы умеют считать,
И прощают отсутствие тени..-
Вы наверно сейчас подурнели,
Если стали о лесе мечтать,

Обнажая шербатую стать,
Наклоняясь к замшелой постели,-
Такой смерти никто не оценит
И не станет в шары одевать!

Ночь

Ночь и йод, что руку ржавит,
Ночь - ожинового сиропа,
Шина, ждущая на тракте,
В глубине водопровод,

Ножки шкапиков союзных,
И в цветочных спит горшках,
Ты - оттенок слов ненужный,
Сказанных не просто так.

Ночь слепа в моих чернилах,
Ограниченных листом;
Елѣклых мелочей - полмира -
Видят разницу - в другом.

Кипяток

Под рожков слепых гуденье
От натуги стонет дно,
Ком живѣт в пруду осеннем,
Слог бросается в лицо.

Суетятся звуки - всплески,
Добиваясь к пустоте,
Их к насущной пользе - пресной
Оставляют на огне.

Клокотания - излишни,
Отодвинутые впрок,
Тянут нам стальные брызги,
Расправляют кипяток.

Каштаны

Отшепнуться, протесниться,
Выждать мимо- хлесткий прут,
Мне чужая чаща снится.
Заблудившись - не крадут.

Листьев пламенное тленье.
Где-то брошу я следы?
Будто капельки варенья
Отшатнулись от мечты..,

Или голые каштаны
Из зелёной пятерни
Отпечатком новым, влажным, -
В напряженье пустоты.

Рыба

Где теперь большая рыба,
У какого дремлет дна?
В облаках её не видно,
Оборвалась в облака

Пляска ниточки непрочной.
Снизу тянутся рукой
Круг земной и круг порочный, -
На клубочек нетугой.

Глубину качать и тмиться-
Тяжесть неразведена.
Тихо тут, - и рыба снится.
Снятся волнам- берега.

Город - костёр

По пожарной лестнице-
Мимо - никого.
Город спит, и светится
Воздух над костром.

Дунет ветер бешенный.
Подобрав слова,
Прогорит валежина,
Как жива была,

Как бродили искорки,
Гасли огоньки...
А ступени - листьями
В рай земной вели.

Снег

Е.П.

Ты весь молчание и точки.
Одышки старого тепла, -
Рассыпались по мёрзлой почве
Горбатых стёкол семена.

Фонарь, качая головою,
Как юбки, подбирает свет, -
Весь мир, заполненный тобою,
Ему - конца и края нет.

А есть - холодный белый шарик,
Свежее проруби в окне, -
Когда-нибудь и ты растаешь,
И целый мир откроешь мне.

Виды русской зимы

День не помнил себя,
Наступал на следы
Синих полупоклонов
Истлевшей травы,
Где на снеге, растасканном
В тысячи нор,
Тшился вытеснить свой-
Мимолётный узор.

Опрокинутой пропасти
Серое дно
Тащит ветер с земли
И роняет его,
Тысяч мелких деталей
Натянутый лук,
Забивают, не тают,
Срываются вдруг...

Выпрямляется тень,
Расставаясь с теплом
Дыма липкого под
Лицедейским шатром,
Что за хрупкое счастье, -
Из дома уйти?
Разбегается, дразнит
Вид русской зимы.

Закладки

Пыльные, истлевшие
Корешки несладкие,
Меж листьями белыми
Сушатся закладки.

Потянусь рачительно
В ту и эту стороны, -
Всё, что недочитано
Ветер треплет поровну,

Ленточки, открыточки
По седому темени...
В стебельках несбыточных-
Направленьи времени.

< на творчество Осипа Мандельштама >

Сегодня сон плохой.
Я видел, - дерево поёт и стонет,
Счастливым при любой погоде
С отчаяньем Оракула - ещё

Закляк в оглохший комелёк,
Качается хромой треножник,
Продленьем судорог подкожных-
Хватают сучья ветерок.

Сегодня день молчит,
Верхушки елей в штиль не колобродят,
В гексаметры никто не переводит,
И треск больной, и крик - лишь крик.

Складку тайны на асфальте
Нюхает голодный ветер:
Заблудился и растратил
Первый августовский пепел.

Или бьётся в электричку
В неприкрытое окно, -
Зачерпнув дождя и лета,
Поднимая над землёй.

По дворам обходит кроны, -
Тёплый их вечерний свет,
Был и я, - простой ребёнок,
Ждал и не хотел- ..взрослеть.

Хиромант

Этот пресный бугорок
Усыпил сейчас валежник,
В белой пудре дутых щёк
Не видать морщинок прежних.

Обойду снега кругом,
Разыщу твои приметы,
С очертанием знаком
Говорливых трещин-веток.

Расправляет лес кулак,
Собирая в складках тени,
Ищет выход хиромант
В темноте судьбы растений...

Мы прежний мир не узнаём,
Что так взбешён своею ношей,
Одним желтеющим клыком
Пространство ранит из-под кожи-

Ржаветь приученных аллей,
Цветную поросль развалин,
Где сотню битых фонарей
Полуслепой ведёт болгарин.

На тесных кладбищах темно,
И мусор в кукольных заборах.
Найти бы время, но оно
Запуталось, ища опоры.

По стране обочин тихо
Чавкает стальной рассол.
Жмётся очередь-мокрица,
Но автобус - отошёл.

Русский город так унижен
Неожиданной зимой,
Но курчавится и лижет
Бездыханной стороной

Зеркала дороги в пятнах,
Где чернеет серебро
И зовет тебя обратно,
И разбиться об него!

Вот стучится о края
Из варенья ложка,
Мом, насмешник, в тополях
Провертел окошки.

Если золотом сорить,
Новый дом не сладить,
Осень спросится войти, -
Вспомню, где оставил.

С мягкой ватой тогда
Я толкаю двери,
И холодная вода
В кране холоднее.

Да, природа видит сны:
Как приходит время,
Облетают слов кусты,
И трещат поленья.

Вот пар, он свеж и ароматен,
В нём чайный тмится пузырьёк,
Бывает сам себе невнятен
Уединения порок.

Стремленья листьев скрыты мглою,
В огонь дневной, в один покров,
И будто слишком надо мною
Ход вездесущий облаков!

В купинах дымного каченья
Висит бессонный уголёк.
Быть может, это я нетрезвый,
И дым стоит, а жизнь идёт?

Густая дорика ума
Из глубины возносит выше,
Но, лишь седея, древность дышит,
Уже одревенев в ногах.

Ты видишь как свои леса
Эллада сводит на колонны,
На шаг поближе ночи тёмной,
Где зреют - Наши чудеса.

Нет строчки первой в мире слов,
Объём разбит, а звуки немы,
Глядят в обличие предметов
Белёсых сонмища клочков.

Всё в общей лёгкости парит,
Друг друга рубит на бумажки,
И только том здоровья – тяжкий
В колоду склеенный гранит.

Почерк

я напишу
травы коротким ветром
изнанкой света
жидкой полосой
хвостом кометы
и остывшим
летом
бесцветными
в закате
над землёй

пускай всё то
что будто несовместно
все эти ставни
некем заменить
что мне сказать
то каждому
известно
искусство в том
чтоб каждым
говорить

